

Ф.А. Фиельструп

КАДИУВЕО¹

Федор Артурович Фиельструп – один из пяти участников Второй русской экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. История этой экспедиции, ее результаты и материалы продолжают привлекать внимание отечественных и зарубежных специалистов [Манизер 1917; Шпринцин 1947; 1952; 1964; Танасийчук 1966; Лукин 1977; Дридзо, Решетов 1997; Дридзо 2000; Дридзо, Шрадер 2002].

Одним из этапов этого путешествия по Южной Америке стало пребывание ученых С.В. Геймана, Г.Г. Манизера и Ф.А. Фиельструпа среди индейцев кадиувео, в результате которого был собран комплекс материалов по культуре этих индейцев, включающий коллекцию предметов (МАЭ РАН, № 2545), опись коллекции, составленную Ф.А. Фиельstrupом, а также архивные материалы, в большинстве своем уже опубликованные благодаря усилиям А.Д. Дридзо [Дневник Г.Г. Манизера 1994; 1995; 1996; 1997; 1998; Дридзо 1996а; 1996б; 2001а; 2001б; Дридзо, Третьякова 1998; Манизер 1993; Манизер 1994; Фиельструп 1995; 1996а; 1996б; 1997; 1999; 2000].

Данная работа Ф.А. Фиельструпа является одним из наиболее полных описаний индейцев кадиувео начала XX в., в ней уделяется внимание самым разнообразным сферам культуры индейцев этого племени, в том числе имеются данные о материальной культуре, обрядах жизненного цикла, шаманских практиках, зарисовки быта кадиувео, играющие порой столь важную роль в исследовании культуры любого племени. Ее содержание частично известно специалистам благодаря статье Э.В. Зиберт [Зиберт 1959], использовавшей рукопись Фиельструпа при написании работы, посвященной разрисовке тела у индейцев кадиувео. Кроме того, эта работа была проанализирована в статье Т.В. Волковой [Волкова 2001].

Публикуемый текст не является законченной статьей, а скорее, попыткой Ф.А. Фиельструпа восстановить содержание собственных дневников, утраченных в результате несчастного случая на реке Парагвай (отсюда многократные упоминания Г.Г. Манизера и С.В. Геймана, большое количество вопросительных знаков, дополнения в конце статьи, уточняющие отдельные аспекты тем, затронутых в тексте, и достаточно вольное обращение с лексикой). Таким образом, статья представляет собой нечто среднее между подготовленным к публикации текстом и дневниковыми записями. Однако и в таком виде текст Фиельструпа представляет значительный интерес, являясь одним из редких источников по этнографии индейцев кадиувео начала XX в.

¹Подготовка публикации, вступление и комментарии Е.А. Ершовой; публикация выполнена по рукописи, хранящейся в архиве Музея антропологии и этнографии РАН, листы обозначены в тексте [Ф. К-V. Оп. 1. № 119].

[Л. 46] Время, проведенное с ними: со 2 августа по 30 сентября 1914 года в Налике; с 4 по 10 октября в Тарума и Морриньо.

Площадь, занимаемая кадиувео и данная им Правительством за услуги в Парагвайскую войну², около 30 легуас³ в поперечнике.

Родом из Чако⁴, кадиувео перешли на левый берег реки Парагвай задолго до войны 60-х годов прошлого столетия⁵, раньше, чем терено⁶, которые все же оказались более восприимчивыми к белой культуре и обогнали кадиувеов в усвоении новых форм жизни.

На всей территории своей кадиувео имеют собственно только два селения: Налике и Тарума, приблизительно одинаковых размеров. Новый поселок, лежащий в легвах⁷ трех от Тарума, который я называю Морриньо, является только новой Тарума, куда собирается перебраться вскоре все население этой деревни. Несколько времени тому назад существовало еще другое селение к северу от Тарума – Шуварада. Теперь все ее население в Тарума.

Налике расположено на краю широкой и неглубокой котловины и протянулось слегка изогнутой цепью длиной приблизительно в 200 шагов с запада на восток. Число жилищ, стоящих отдельно, восемь.

Строение. Ряд вкопанных столбов поддерживает в своих развилинах верхнее продольное стропило. Между ним и другим коньковым стропилом защемлены крест-накрест лежащие сверху жерди, образующие основу обоих скатов крыши. Они спускаются покато вниз и в нижней своей части покоятся также на продольных жердях, лежащих в таких же двух рядах рогаток, более низких, по обе стороны среднего ряда. Остов ската состоит из более тонких жердей, прикрепленных на некотором расстоянии друг от друга в несколько рядов к поперечным жердям и идущих параллельно верхним стропилам. Остов этот покрыт длинными листьями пальмы акури, наложенными следующим способом. Кладчик сидит верхом на коньке и принимает листья, подаваемые снизу, соответственно тому, на какую сторону они идут, по очереди, то толстым, то тонким слоем вперед. Принимая лист, он надрубает ударом ножа стебель на некотором расстоянии от нижнего конца и перегибает через конек. Полуотрубленный кусок затем прижимается к скату следующим листом, лежащим на этой стороне уже своей длинной частью.

Все дома, кроме одного или двух, имеют только по два ската – оба фронта остаются открытыми. Стен не существует, фасадами дома обращены [Л. 47] друг к другу так, что, находясь на одном конце навесов, смотришь точно вдоль коридора – более или менее.

²Война Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая в 1864–1870 гг., в результате которой последний потерял почти четверть территории и 4/5 населения.

³Legua – лига (исп.), мера длины, примерно равная 5.5 км.

⁴Внутренняя южно-американская равнина, по территории которой проходят границы трех государств – Аргентины, Боливии и Парагвая.

⁵См. прим. № 1.

⁶Аравакоязычное племя, в настоящее время общая численность которого составляет 16 тыс. человек; основное место проживания – Бразилия, штат Мату Гроссу ду Сулу.

⁷См. прим. № 2.

Жилище Капитанзиньо⁸ имеет заднюю стенку, на которой развешано его оружие и вообще драгоценности.

Несмотря на такое ограниченное число жилищ, в них помещается сравнительно много семейств. Дело в том, что около 2/3, а иногда и больше, площади занято так называемыми ниппэ, т.е. полатами: на четырех низких рогатках, по две с каждой стороны, лежат две жерди, на которых плотным рядом лежат доски из пальмы пиндо⁹, своей гладкой корой сверху. Эти ниппэ покрываются сухой бычачьей шкурой или матами, и на них спят все члены семьи, лежа вплотную друг к другу. На ночь каждое ниппэ охватывается со всех сторон москитеро¹⁰.

Кроме ниппэ для сна под навесом имеются подобные же сооружения, вроде этажерок, с одной или двумя полками на уровне головы стоящего человека и выше, где помещаются предметы домашнего обихода, одежда и т.д. Кроме того, под самым коньком иногда ставится род вешалки – жердь, лежащая на двух рогатках. Такие же этажерки имеются и снаружи, около жилищ, для провизии и прочего, и к верхней полке ведет лесенка, состоящая из косо прислоненного бревна, в котором вырублены ступеньки. Полка такого сооружения образует род крыши, и в тени ее часто сидят днем за матэ. Костер в жилище не имеет особого, вполне определенного обычая места, но обыкновенно находится на переднем плане жилища. С помощью толстых бревен огонь сохраняется и ночью – утром его приходится только раздуть с помощью особых вееров, плетенных из листьев пальмы каранда¹¹.

(Приготовление кож. Большие кожи распинаются на земле серией колышков).

Домашняя утварь, не помещенная на этажерках, подвешивается внутри жилища, ставится под ниппэ и т.д.

Большое число банок, бутылок, склянок, до которых кадиувео, особенно женщины, большие охотники, подвешены под крышей, тут же мешки вязаные, ружья, листья каранда, сушеные и готовые для плетения шляп, связки початков маиса для посева, бобы для той же цели и прочее.

Некоторые мужчины уже приобрели привычку спать в гамаках, поэтому в некоторых жилищах можно встретить и домашнего изделия хлопчатый гамак.

Я уже говорил о любви кадиувео к банкам, бутылкам и т.д., к этому нужно прибавить жестянки разного рода – особенно большие цилиндрические жестянки из-под кофе, в которых они хранят все свои драгоценности. Да и вообще, добрая половина, если не больше, из употребляемых индейцами предметов получены от белых или сделаны по образцу вещей белых.

[Л. 48] Говорить о типе кадиувео я не могу, т.к. племя это теперь настолько смешалось с чамакоко¹², терено, бразильцами – черными и белыми, что во всем Налике, например, едва ли найдется один-два человека с

⁸Капитанзиньо – вождь (португ.).

⁹Butia capitata – бутия головчатая, растение семейства арековых.

¹⁰Москитеро – полог или мелкая сетка для защиты от комаров (португ.).

¹¹Правильнее карандай (Cernicia cerifera) – одна из так называемых восковых пальм.

¹²Индийское племя общей численностью 15 тыс. человек; проживают в основном на территории Парагвая (10 тыс. человек), а также Боливии (4 тыс. человек), Бразилии (1 тыс. человек). Язык – семьи самуко.

чистой кровью кадиувео в жилах. Можно лишь говорить о внешнем облике наликийцев, тарумийцев и т.д.

Подобно терено, кадиувео выщипывают у себя волосы на лице, под мышками – мужчины и женщины. На лобке у мужчин растительность очень слаба. Обычай выщипывать волосы и оттачивать зубы пилой сохранил свою силу еще у наиболее консервативных элементов молодого поколения, не говоря о старом, в то время как другие считают себя уже бразильцами и не уродуют себя вышеупомянутым способом. Волосы на голове мужчин и женщин стригут, так сказать, под горшок, за исключением девушек нового поколения, которые оставляют их длинными. Со лба волосы отбрасываются несколько назад и разделяются по середине пробором.

Одежда. Одежда мужчин состоит обыкновенно из рубашки и штанов, изредка еще пиджак дополняет костюм. На голове носится шляпа – купленная или собственного изделия – плетенная из листа пальмы каранда, к которой прикреплена подвеска, простая нитяная или бисерная и т.д. Сапоги – большая редкость. Иногда, впрочем, штаны (или бомбачас) заменяют более легким куском материи, обертываемым вокруг бедер. Женщины надевают платье белых только в торжественных случаях, хотя блузы носят некоторыми постоянно. Обыкновенно одежда их состоит из двух кусков материи: первый кладется снизу – узким краем охватывается талия, затем материя пропускается между ног вперед, подбирается, и другой узкий край опять лежит на талии; этот кусок укрепляется посредством обвязанного вокруг талии платка или пояса из карагуата и хлопка – простого или вышитого бисером. Поверх этого одевается так называемое эдзиолатте – кусок материи побольше, который охватывает туловище, закрывая нижнюю часть груди, и спускается почти до земли. По желанию этот же плащ спускают до пояса или свободно набрасывают на плечи (перед отправлением естественных нужд), в защиту от холода, например.

Украшения являются также важной принадлежностью туалета: ожерелья, кольца, серьги, головные уборы из пластинок битого никеля или серебра, редко жести, браслеты на руках и ногах, ленты с обоими концами из бисера, с металлическими подвесками, в которые туго затягивают сплошным жгутом волосы почти на маковке, так что прическа торчит как палка (это прическа чамакоко). Браслеты носят и мужчины иногда. Непременной частью этих украшений служит нитка бисерная или простая, на которой висит пинцет для выщипывания волос. Волосы более или менее часто смазываются топленным говяжьим салом.

К туалету можно, пожалуй, отнести и разрисовывание лица, верхней половины туловища, рук и ног. Краска, употребляемая для этой цели: 1) черная – состоит из сока плода Генипа американа¹³, в котором на особой тарелочке размещивается кусок [Л. 49] древесного угля, пока не получается краска желаемой густоты. Черная краска наносится кисточкой, приготовленной из щепотки такуара¹⁴, с кусочком хлопка на конце. Красная краска готовится из семян растения уруку¹⁵. Иногда сухие семена эти, покрытые

¹³*Genipa americana* L. (другие названия женипапо, уито, хагуа, малука).

¹⁴Такуара – один из видов бамбука (*Bambusa tuldoidea*).

¹⁵*Bixa orellana* L. (другие названия ачиоте, аннато) – кустарник или невысокое дерево семейства биковых. Плод аннато – коробочка со множеством колких волосков, отпугивающих травоядных животных. Когда коробочка созревает, она раскрывается точно пополам, внутри содержатся шиповатые семена около 3 мм диаметром, покрытые восковидной оранжево-красной массой.

красной пылью, употребляются в натуральном виде: их носят в мешочке, и при употреблении погружают в мешочек палец, и приставшую к нему пыльцу накладывают на кожу. Эти же семена в большом количестве моют в воде, и затем воду эту кипятят до тех пор, пока не останется красный осадок, который застывает в более или менее твердый кусок. Для большей вязкости при кипячении краски в нее кладут кусок сахарного тростника. Зеленая и желтая краски также употребляются, но их кадиувео покупают.

Женщины являются художницами и разрисовывают друг друга и мужчин (мужчины расписываются гораздо реже женщин). За этим делом девушки и молодые женщины проводят много времени. Себя они расписывают, глядясь в зеркало.

В прежние времена рисунки делались подкожной татуировкой и сохранялись на всю жизнь. Операция болезненная, и опухоль лица улегалась дней через пять-шесть.

Кроме характерного туземного орнамента, по-видимому, иногда копируется какой-нибудь другой рисунок, где-нибудь виданный. Так, например, Гейман был расписан, между прочим, знаками, имеющими сходство с латинскими буквами, а у меня часто просили в подарок мое одеяло, мотивируя попрошайство тем, что рисунок его очень хорош для копирования.

Образцы орнамента кадиувео, нанесенные по заказу какого-то путешественника на бумагу, хранились у родственницы Капитанзиньо, которая переселилась в другую область.

При расписывании лица кому-нибудь художница садится, поджав ноги, подле головы пациента, которая покоится на подушке и расписывает прямо от руки, редко касаясь пальцами для упора части лица. Прежде чем нанести узор, она мысленно прикидывает его, помогая себе жестами в воздухе над намеченной частью. Все это делается не спеша, обдуманно; не понравившийся ей рисунок тут же стирается пальцем и наносится новый.

Красная краска в расписывании тела сигнализирует любовные вожделения: женщина в Тарума натерлась уруку – ее стали дразнить мужчины. Шаман чамакоко, украсивший лицо красными пятнами, пояснил это желанием понравиться жене.

Разрисовывание лица мужчины является знаком симпатии девушки к нему и делается обыкновенно после счастливо проведенной ночи. Разрисовывают часто и совсем маленьких детей.

При частых ежедневных омовениях краска держится на коже дней пять-шесть, после чего рисунок нужно возобновить.

[Л. 50] Досуг для такой кропотливой работы доставляет отсутствие необходимости в труде и заботы о пропитании. Дело в том, что у кадиувео до сих пор еще сохранился институт рабовладельчества. С былых времен, когда кадиувео находились в постоянной вражде с чамакоко, в своих набегах на них они, убивая всех мужчин, забирали женщин и детей и делали их своими рабами. И теперь еще во многих семьях имеются криадас¹⁶, кадиувео этим словом называли рабов), которые исполняют тяжелую работу. В отношениях к ним по сравнению с другими женщинами разницы я не заметил. То же относится и к мужчинам, детьми забранными в плен.

¹⁶Криадас – слуги (португ.).

В некоторых областях жизни мужчины и женщины работают параллельно, например в добывании пальмиты¹⁷, дров и вообще плодов в лесу, с той только разницей, что мужчина всегда ездит в лес и кампо¹⁸ на быке, а женщина всегда идет пешком.

Срубленное и успевшее высохнуть бревно мужчина привязывает за один конец к седлу и тащит, волоча по земле. Плоды и пальмиту бакаюва¹⁹ или акури он везет в черезседельнике. Женщина приносит мелконарубленные дрова, подвязанные на веревке и висящие за спиной, причем веревка держится на темени. Таким же образом несут они и сердцевину пальмы и т.д. в сумках из карагуата²⁰. Приготовление продуктов из карагуата лежит на обязанности женщин. Когда назревает необходимость в волокнах этого растения, женщины идут в лес с мачете, сбивают шипы, торчащие по краям листьев, и вырывают эти последние из земли (или вырубает). Связав их в пучки, затем кладут в воду (в своих кашимбас – ямах). Когда мясо листа успело подгнить, карагуата приносят домой и начинают добывать из него волокно. Разнимают лист на две пластинки – переднюю и заднюю, перегибая лист взад и вперед, пока не отделятся одна от другой. Рыхлое мясо обыкновенно соскребывается створкой раковины. Отдельные волокна связываются пучками и вывешиваются для просушки, после чего их расчесывают. Затем сучат нитки, плетут шнурки, веревки и т.д. Большей частью карагуата идет на переметные сумки; на лассо редко.

Хлопок также выращивается и идет на подобные же работы, т.е. сумки, гамаки и прочее. Содержимое хлопковой коробочки сушится на солнце, затем выбираются семена. Чистка хлопка не практикуется. Свойлачившаяся масса разбивается на тетиве специального лука ударами по ней пальца в более или менее тонкую ленту, которая затем обертывается вокруг руки ниже локтя спиралью и одним концом держится в руке, которая уже ссучивает хлопок в грубую нить и наматывает последнюю на веретено, приводимое во вращательное движение левой рукой.

С давних уже пор у кадиувео имеются винчестеры, и часто мужчины возвращаются из леса с косулей, уже освежеванной и нередко изжаренной на костре.

Дома мужчины занимаются плетением и шитьем шляп из высушенных листьев каранда. Пальцы листа разворачиваются продольно на полосы, которые затем плетутся в ленту, длина которой должна быть в шесть длин между концами пальцев рук, если их [Л. 51] распростереть. Не давая полосе дойти до конца, под нее подсовывают новую и, оставив старый конец торчать, плетут новую. По окончании ленты все старые концы срезаются. После этого ленту сначала сшивают в плоский круг, который является короной шляпы, потом этот диск приколачивается и привязывается к деревянной форме – болвану, и таким же образом обшивают форму. Поля шьются по окончании короны, конечно, и по снятии ее с болвана. Шляпы готовятся на себя и на продажу.

Никелевые и серебряные монеты разбиваются в пластинки, режутся и свертываются в трубочки мужчинами же и идут на изготовление всевоз-

¹⁷Пальмита – сердцевина пальмы (португ.).

¹⁸Кампо – поле, степь (португ.).

¹⁹Одно из названий пальмы макуба (*Acrocomia aculeate*).

²⁰Растение семейства бромелиевых (*Caraguata berteroniana*).

можных украшений. Иногда в монетах просто пробиваются дырочки с противоположных сторон, и из них делают цепи.

Луки с двойной тетивой для стрельбы в птиц глиняными шариками употребляются теперь весьма редко и чаще всего встречаются в руках мальчиков. Эти луки также, конечно, делаются мужчинами.

Домашнюю утварь, оригинальную, готовят женщины. Корзинки для хранения различных вещей и переноски их – из листа пальмы акури; циновки для сидения, спанья или под седло быка – из травы капи, опахал из двух или трех листьев каранда для раздувания костра и пользования, как веером, в жаркую погоду. (Такие же опахала делаются и из листьев акури). Горшки для варки, кувшины для воды, чаши – все глиняное делается ими же.

Керамика. Дно лепится пальцами из комка глины, хорошо размятой с водой и песком. (Часто в дело идет мелко крошеная старая посуда). Сосуд наращивается ярусами. Края основания утончаются, и по внешней их стороне накладывается новый ярус, состоящий из длинной колбасы, сверченной между ладонями на воздухе. Ярусы идут не сплошной спиралью, а обручами. Налепив несколько ярусов, женщина сглаживает чашу раковинной, омоченной в воде, и пальцами, и так раза два-три, смотря по тому, какой формы будет сосуд и сколько изменений направления стен в нем. Полирование продолжается долго, причем пальцами выцарапываются комочки песка, добавляются комочки глины и т.д. После окончания формы кусочком шнурка на сосуд наводят рисунок: омоченный шнурок вдавливают в мокрую глину. После этого сосуд сушат на солнце. Когда он высохнет, твердую его поверхность еще раз полируют и заполняют части рисунка красной краской (размешанный красный камень). Часто рисунок наносится просто краской. Черный фон рисунка наносится куском смолы палисандра. При последующем обжигании краски эти сохраняются, причем смола на огне чернеет. Присутствовать при обжигании посуды мне ни разу не удалось, по-видимому, это было не желательно мастерицам. Выпуклые части сосудов – украшения – прикрепляются после окончания самой формы. Сосуды иногда подражают форме животного или птицы.

[Л. 52] Нанизывание бус для ожерелий и т.д. также является работой женщин; изредка и металлические части украшений.

Ступки кадиувео более или менее рюмкообразной формы, большие и малые, выжигаются на огне.

Пища. Кроме продуктов огорода: бататы, мандиока²¹, моранга (род тыквы), банан, мамоне, сахарный тростник, мелад²², рапа дура²³, фаринья²⁴ – кадиувео питаются лесными плодами. Пальмита – сердцевина пальмы бакаюва – вырубается из слоя твердой древесины, облегающей, как кора, и представляет собой только молодую древесину. Нарубается поленьями. Употребляется в сыром виде, вареная, жареная; из нее же готовится фаринья. При употреблении в сыром виде полено обыкновенно ставят перед собой стоймя и, придерживая за верхний конец левой рукой, наскребы-

²¹Manihot utilisima – маниок, растение семейства молочайных (Euphorbiaceae).

²²Мелад – сгущенный сок сахарного тростника (португ.).

²³Рапа дура – неочищенный тростниковый сахар в плитках (португ.).

²⁴Фаринья – кукурузная мука (португ.).

вают рыхлую массу каким-нибудь острым предметом: ножом, ложкой, раковинкой, проводя им сверху вниз. Пучки этой массы затем обсасывают, а волокна выбрасывают. Для фаринья таким же способом приготовленную массу просушивают, рассыпав на шкуре, затем перетирают между руками, бьют палками, чтобы отделить муку, и, наконец, перед употреблением просеивают сквозь плотный хлопковый мешочек. Для варки пальмиту нарезают дощечками и после варки поджаривают на костре, предварительно разбив, чтобы лучше поджарилось. Фаринья иногда поджаривается. Пальмовая капуста берется из бакаюва и акури и представляет из себя нежные молодые листья плотной хрупкой белой массой лежащие в вершине ствола. Капусту эту едят сырой и, мелко нарезав, вареной. Орехи обеих пальм также употребляются в пищу. Орехи акури варятся в котле, потом, сняв кожуру, с них оцарапывают волокнистое мясо; высушенные ядра разбиваются каменным пестиком на каменной же наковальне. После долгого употребления в наковальне образуются ямки. Камни нужной крепости столь редки у кадиувео, что приобретенные нами в первые же дни нашего пребывания в Налике скоро исчезли. Плоды дерева жатума (вама) играют столь же важную роль в питании. Спелый плод сладок и напоминает бисквит, недозревший стручок бросают в костер и дают ему поджариться. Не имея достаточно терпения выждать время, когда созреют плоды, кадиувеи срубают дерево жатума и дают стручкам скорее подсохнуть на них чем дозреть. Смолистая скорлупа подбрасывается в огонь, горит жарким пламенем.

Фаринья делается главным образом из мандиоки браба (дикой мандиоки), которая в сыром виде содержит яд. Эта мандиока размерами больше съедобной. Способ приготовления тот же, что и у терено. В длинное корыто с обоих концов спускают под углом терки, состоящие из продырявленного куска жести, одной стороной прибитого к доске и свободно лежащего на ней в остальной своей части. За ними верхом на концах корыта сидят работники и растирают подаваемые им очищенные от кожи корни. Богатая соком мандиока дает полужидкую массу, которую [Л. 53] отжимают сперва руками, а потом под пресс: деревянное корыто с просверленными в боках отверстиями для стока сока. Слои массы прокладываются листьями акури, затем наполненное корыто закрывается доской, ровно вмещающейся в корыто, и ставится под пресс между двумя столбами, где масса прессуется при помощи кусков дерева, доски на них и клиньев, вбиваемых в уши столбов и прижимающих верхнюю доску. После прессовки фаринья разрыхляется руками, крупные куски отбрасываются, и на большой жестяной сковороде (или в большой глиняной чаше – в бананале) ее просушивают на огне, постоянно размешивая лопатой. В Таруме я видел прессование в обыкновенной корзине из листа акури, но с более плотным плетением. Фаринья в большом употреблении по всей стране (Матто Гроссо) и заменяет хлеб. Кадиувео едят ее с меладом или рапа дура.

Из числа культурных растений кадиувеи так же, как и терено, сеют табак, но в употреблении я не видел его: в Налике он был еще слишком молод, в Таруме мы пробыли слишком мало времени. Все мужчины курят по-бразильски, т.е. нарезают мелко крученые канаты черного табаку, почти исключительно употребляемого здесь, растирая его между ладонями и свер-

тывая сигаретку из маисового листа, разрезанного для этого и сглаженного белой полевой раковиной. Трубки теперь уже почти никогда не употребляются. Женщины сосут комок табака, причем кусок поджаривается на огне, табак же, который им давали мы, мелкий парагвайский, они смешивали в чашечке с угольками из костра и, когда вся масса основательно подгорала, всыпали ее в рот (после того как остынет). Во рту такой комок всегда лежит на нижней губе перед зубами, от чего последние чернеют. Зубы у мужчин и женщин большей частью пилообразно отточены, и, благодаря тому, что крепкая зубная эмаль не мешает в сточенных местах грязи проникать внутрь, у многих не хватает зубов, и челюсти деформируются.

Сосание мате также очень распространено среди кадиуев и является их любимым времяпрепровождением. У человека, имеющего «йерба», постоянно сидит кружок по вечерам, и ходит бомба с бомбилья²⁵ по рукам. С нашей стороны это был важный промах, что мы не запаслись этим магнитом, который, конечно, развязал бы многие языки и даже доставил бы нам женское общество, что очень важно, так как среди старух в Налике некоторые знают предания и песни прошлых времен. Кроме того, язык женщин сильно отличается от языка мужчин, и последние нередко не понимают отдельные слова женской речи. Бывает ли наоборот, не знаю, думаю, что нет, что было бы легко объяснить подчиненным положением женщины. Слова женской речи то в самом корне отличаются от мужских, то только в суффиксах. При добывании сведений у женщин трудность состоит в том, что они в большинстве случаев не умеют или не хотят говорить по-португальски, хотя обыкновенно понимают.

[Л. 54] Кроме обычных трудностей, встречаемых исследователем при выпрашивании индейцев относительно их жизни, обычаев, верований, нам пришлось натолкнуться на сильное желание превратиться в настоящих бразильцев, не быть уже «бургес», как называют в Бразилии индейцев, и как они сами с презрением называют чамакоко, говоря об их дикости. Благодаря такому настроению за все время нашего пребывания среди них только один раз удалось нам услышать предание о происхождении кадиуев, от одного из наиболее развитых наликийцев – Хозэ Фернандес, который также много помог Манизеру в выяснении форм языка. От него я узнал кое-какие черты их обычаев, но несколько раз я замечал, что факты в этой области, которые на взгляд белого могут показаться странными и смешными, в передаче моего собеседника принимали более умеренный характер или даже совсем отрицались им.

Х.Ф. было имя этого индейца. Интересно, что все кадиуео имеют католические имена, кроме имен на своем языке; получают ли они их от бразильцев или сами себе дают, не знаю, но эти имена употребляются ими при обхождении с белыми. Ряд Кад. имен (см. Манизера) мы получили благодаря Манеко Брага, мужу падчерицы Х.Ф., да одно или два имени было подхвачено на лету нечаянно, на все же расспросы относительно настоящего имени кого-нибудь мы получали в ответ только бразильское. Мне кажется, это нежелание называться постороннему человеку имеет свое основание в боязни, что с именем будут недостаточно бережно обходить-

²⁵Сосуд и трубочка для питья мате.

ся, а излишне частое упоминание его может привести к тому, что оно будет услышано кем-нибудь вне нашего физического мира, т.е. причина этого скрывания та же, по-моему, что и причина изменения имени после смерти родственника, – желание сделаться неузнаваемым для души умершего, который остается около места смерти. Сам Х.Ф., выразив удивление по поводу этого факта, когда я спросил у него объяснения его, назвал мне только свое бразильское имя – и только.

Имя дается ребенку скоро после рождения родителями (отцом?) и сообщается какой-нибудь старухе, вызванной для этой цели с другого конца деревни, обязанностью которой является сообщить его всему населению, проходя из дома в дом (Х.Ф.). Имена бывают обыкновенно (всегда?) переводимы. Со смертью члена семьи все родственники меняют свои имена, таким образом, за каждым человеком стоит ряд имен прежних. Имя умершего никогда больше не упоминается, из боязни призвать душу его.

Окинем взглядом жизнь индейца с момента его рождения. Во время нашего пребывания в Налике был только один случай родов, совершенно неожиданный для нас и поэтому плохо прослеженный. Роды были облегчены женщине массажем; произошли они часов в пять вечера. На следующее утро роженица уже передвигалась с места на место, немного позже стала переходить с места на место по [Л. 55] дому, а к вечеру выходила исполнять мелкую работу и на следующий день принялась за свою обычную трудовую жизнь. Роженица была криада-чамакоко, и поэтому праздника, который сопровождает рождение ребенка у более менее состоятельных людей, не было. На такой праздник зовут, приглашая «пить мочу» ребенка (Донатто). Ребенок был женского пола, и в первые же дни его жизни в моче его ушей были проделаны отверстия, и сквозь них продеты ниточки, которые продергивались взад и вперед время от времени, чтобы отверстия не заросли. С первых же дней ребенка начали купать по несколько раз в день.

Обращение с детьми у кадиувео хорошее. Младенцев грудных кормит обыкновенно не только мать, но и женщины родственницы и даже посторонние; та, которая в данный момент гуляет с ребенком, так что ребенок никогда один не остается. Если мать принадлежит к богатой части населения, она все свое время посвящает забавлению ребенка, если же она должна трудиться, она передает его кому-нибудь или же работает, подвывая его за спину в своем «эдзиолатте» верхом, или, если ребенок побольше, сажает его себе верхом на бедро, отправляясь на работу. Кормление ребенка грудью продолжается очень долго: часто трех-четырехлетний ребенок, устав играть со своими сверстниками, подбегает к матери и сам берет грудь. Грудь женщин удлиненной формы, и поэтому положение, в котором женщина кормит, не играет роли. (Один из примеров умерения истины Х.Ф.: он уверял меня, что теперь этого уже не бывает и детей отнимают от груди в двухлетнем возрасте. Х.Ф. Капитанзиньо и другие «прогрессисты» пытаются реализовать свои желания и надежды). По словам некоторых наликийцев, все дети рождаются с особой болезнью – белый прыщ на языке, который мешает ребенку брать грудь, и большой процент младенцев гибнет от нее. Для излечения этой болезни призывается падре²⁶,

²⁶Падре – отец, этим словом индейцы называли шаманов.

и от его мудрости и силы зависит жить или умереть ребенку. Случай, который мне пришлось наблюдать, происходил в Налике. Из Тарумы, где нет падре, младенец был привезен сюда на излечение падре Энрике, родственника матери его. Несмотря на неустанные усилия падре Энрике, младенец скончался через несколько дней после прибытия его в Налике. В охрану от смерти от этой болезни ребенку на шею часто надевается какой-нибудь талисман, данный падре, например зуб волка, клюв (нижняя челюсть) птицы – урубу²⁷, кажется. Вера в падре и в силу этих талисманов еще очень сильна среди женщин, и М. Врага, бразилец, женатый на индейке и имеющий от нее мальчика, не посмел настаивать, когда мы хотели через него приобрести клюв урубу с шеи мальчика, и бабка ребенка отказала нам в просьбе.

Если не ошибаюсь, Донато, хозяин нашего дома, говорил, что второй праздник в жизни ребенка устраивается, когда он начинает ходить. По прошествии наиболее нежного возраста ребенку предоставляется полная свобода действия, за ним и присмотра нет. С этого момента он начинает подготавливаться на роль [Л. 56] взрослого, и игры его являются копией занятий мужчины. Своим луком с раздваивающейся тетивой он охотится на птиц, стреляя в них глиняными шариками; изредка можно увидеть в его руках простой лук со стрелой. Где-нибудь в стороне от дорожки группа детей строит себе из пальмовых листьев подобие жилища. Весь день бегают мальчишки по двору, бросая лассо на шею петухов, кур и собак, производя иногда бешеную гонку. От мальчуганов постарше бедным телятам, привязанным вокруг деревни, буквально нет покоя: до последних сил заганивают они их, ловя на лассо и заставляя потом возить себя на спине, без седла или с циновками – совсем как их отцы ездят на волах, с той только разницей, что ремень здесь охватывает морду, вместо того, чтобы проходить межноздревую преграду.

Относительно лука нужно заметить, что лук со стрелами уже давно не употребляется кадиувеями, лук же с двойной тетивой еще можно встретить, хотя винчестер почти вытеснил и его. Интересный факт: при стрельбе из ружья левая рука индейца поддерживает ствол почти у самого конца, т.е. рука вытянута – не является ли это пережитком способа стрельбы луком?

Кроме забав, имеющих отношение к занятиям, ожидающих их впереди, существует ряд игр общественных, которыми забавляются под вечер парни с девушками, как например:

1) Жмурки обыкновенные.

2) Играющие становятся в круг; стоящему внутри кольца завязывают глаза, и в то время как кольцо движется вокруг центра, участник с завязанными глазами должен поймать кого-нибудь и, ощутив мизинец его, назвать по имени.

3) Волк и овцы (русское название).

4) Играющие становятся цепью «в затылок» друг другу, кладя руки на плечи (или бедра ?) стоящего впереди. Один ловит. Задний срывается с места и, убегая от ловца, обегает стоящую перед ним цепь, возвращается с другой стороны назад и спасается, проскальзывая вперед между широко расставленными ногами.

²⁷Coragyps atratus – американский черный гриф, представитель особого семейства американских грифов (Cathartidae).

5) Несколько девушек и парней, становясь вокруг, образуют нечто вроде бальной фигуры корбейль, переплетая таким образом руки за спиной и крепко держась за пояс соседа, если это мужчина, или за край «эддзиолатте», плотно обернутого вокруг туловища, если это женщина. Держась таким кольцом (лицом внутрь), они начинают все вместе скакать в ту или иную сторону, вращаясь около центра кольца все быстрее и быстрее, пока кто-нибудь не вырвется и не отлетит в сторону по инерции. Круг снова смыкается, и скакание продолжается и т. д. При скакании, при каждом прыжке все хором хрипло дышат в такт.

6) Ловят кого-нибудь невзначай за ногу (правую) и сгибают ее в колене. В сгиб колена следующий кладет свою правую ногу подъемом, под коленом ему – опять другой и т. д., пока не образуется сплошной круг, в котором играющие стоят на одной ноге, лицом наружу, не касаясь один другого руками. [Л. 57] Затем скачут в такт, в ту или другую сторону вокруг центра круга, нарочито громко выдыхая воздух из легких при каждом прыжке.

Вместе с играми часто устраиваются и танцы. Под несложную мелодию, наигрываемую на барабане и дудке, танцуют попарно гуськом мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, описывая круги: мужчины внешний, женщины внутренний, причем идут в противоположных направлениях. Танцуют, держась за руку, делая два полных шага и прерывая третий на половине, когда ноги находятся на одной линии, причем делают более или менее глубокий поклон, сгибаясь в бедрах. Иногда пары расходятся в разные стороны и потом опять сходятся.

Третий праздник в жизни девушки делается в период появления регул в первый раз; тогда она соблюдает пост и не выходит из дому в течение некоторого времени. Такой праздник обходится очень дорого отцу, т. к. он обязан дарить богатые костюмы капитану, устройтелю празднества, и страже, выбранной на время попойки следить за порядком и мешать дракам; эти люди не пьют, и стерегут отобранные у пирующих ножи и прочее. Часть яств для пирушки собирается обходом жилищ, причем каждый дает, что хочет на увеличение запасов. На обязанности стражников лежит также водворение мертвецки пьяных гостей по месту жительства. Праздник является как бы выкупом за дочь, которую соседи, зорко следящие за развитием ребенка, подлавливают и в знак пленения надевают что-нибудь на нее. В общем почти всякое новое проявление дальнейшего развития (например, первый выезд верхом и т. д.) требует праздника. Все эти сведения я получил от Донато. Самим нам пришлось быть свидетелями только попойки, когда кто-нибудь покупал водку (качасса, пинга).

В период регул женщина считается нечистой и не смеет омыться у источника воды, а должна, зачерпнув ее в сосуд, отойти в сторону. Половая жизнь у девушек начинается рано. Лет с тринадцати она уже знает мужчин. Лет четырнадцати, если есть женихи, она выходит замуж (свадьба справляется пирушкой). По старому обычаю муж обыкновенно поселяется в доме родителей жены. Особой прочности брачных союзов я не видел. С рождением ребенка связь становится прочнее.

Нравы кадиувео довольно распущенны. Бразильцы, проезжающие мимо со стадами, ночуют у девушек в Налике. Взрослые предлагают по-

сторонним десяти- и одиннадцатилетних девочек, за плату, конечно. Женщина, если ей опостылел муж, переходит к другому, но дети от первого остаются при ней и пользуются заботами наравне с детьми второго. Случилось раз видеть: играя, мальчики ловили девочку и симулировали половой акт, ловя убегающую. В разговорах девушки в присутствии мужчин обсуждают их физические способности и со смехом принимают недвусмысленные намеки.

С замужеством жизнь девушки из семейства побогаче мало изменяется. Продолжая жить в доме матери, она также пользуется ее трудами и имеет тех [Л. 58] же «криадас», как и раньше. Почти весь день, лежа на «ниппе» она изопряется в искусстве разрисовывать свое лицо так, чтобы нравиться мужу, или покоится в непринужденных позах с ним рядом. Когда муж возвращается с охоты, она, завидя его издали, идет к нему навстречу, берет у него ружье и помогает ему разгрузить и расседлать быка. Иногда они оба отправляются пешком в лес: он – рубить пальму, она – собирать плоды и нести пальмиту домой; он идет впереди с винчестером через плечо, держа рукой за конец дула, она – покорно позади.

Кадиувео очень чистоплотны. Почти каждый день женщины ходят стирать одежду, причем они сами садятся, раздевшись, в воду и колотят намоченную одежду; почти у всех есть мыло. В котловине, на краю которой расположено Налике, имеется большое число водоемов, выкопанных в земле, на дне которых просачивается ключ. Обыкновенно каждый водоем имеет владельцев – членов определенной семьи; особенно строго этого, однако, не придерживаются. Две такие цистерны, поменьше и поглубже, покрыты поперек лежащими бревнами, и вода в них употребляется только для питья. Сюда ходят женщины с большими жестянками из под минеральных масел и жира и несут их домой наполненными, держа на уровне плеча: рука, согнутая в локте, повернута ладонью кверху, и на ладонь, как на полку, ставится сосуд. Привычка носить с собой ружье простирается у мужчин и на прогулки к водоемам купаться. Это постоянное ношение с собой винчестера (Гвинче – называют его они) кадиувеи оправдывают боязнью ягуара (тигре), хотя, насколько мне известно, этих зверей поблизости нет – они уходят от людей. Другой причиной является боязнь возвращения людей Малейроса. Лет двадцать назад кадиувео подверглись нападению со стороны «фазендейро» М., бывшего владельца земель, теперь принадлежащих Барранко Бранко²⁸, который послал туда солдат с более или менее завоевательными целями. С тех пор земля перешла в другие руки, но страх перед несуществующим уже врагом еще жив среди индейцев. Несмотря на то, что они считают себя «валиентес»²⁹, т.к. убили большое число врагов, по ночам они боятся выходить за пределы деревни.

О храбрости своей и военных подвигах все мужчины очень любят говорить и при описывании схваток удивительно подробно указывают, кто из врагов куда и как был ранен, при этом жестикуляция, перемена интонации и игра физиономии играют важную роль. Скромностью они не отличаются вообще и при каждом удобном случае говорят о своей щедрости, уверяя,

²⁸ «Барранко Бранко» – мясопромышленная компания.

²⁹ Валиентес – храбрецы, смельчаки (португ.).

что он (данный субъект) не такой, как другие из его «женте»³⁰, и готов все отдать человеку и делиться с ним всем. На самом деле он всегда хочет получить что-нибудь за свою доброту.

Веселый по своему характеру народ, кадиувеи любят посмеяться, и смех их, когда переходит в хохот, сопровождается пронзительным вскрикиванием. Такой смех вызвало однажды наше прощание с Гейманом – мы по русскому обычаю поцеловались, и это вызвало гомерический хохот окружающих.

[Л. 59] Приветствование какого бы то ни было вида, по-видимому, совершенно отсутствует у этих индейцев. Только при уходе из чьего-нибудь жилища они говорят (мужчины и женщины различно): «я ухожу» («эми» – «иди» – говорят в ответ).

Слов благодарности также не существует; нам вместо этого всегда говорили: «Господин мой» (на их языке).

К мелким чертам относится поднимание предметов с земли, беря их ногой между пальцев, и затем, согнув колено, вещь передают руке. Указывая на предмет, лежащий в поле зрения, подают вперед переднюю часть лица, вытягивая губы. Это я заметил у всех посещенных нами индейцев и у японцев. Поцелуи между взрослыми обоего пола не в обычае; целует только мать ребенка. Свое изумление кадиувео выражают восклицанием: «Нья!».

Знаки собственности я видел на скоте и на калекбасах³¹, род древесных растений семейства бигнониевых) для матэ. Каждый индивидуум, мужчина или женщина, имеет свое тавро. На животном знак выжигается раскаленным прутом, предварительно бросив и связав крепко метимую жертву. Калекбасы для сосания матэ не у всех имеются, и поэтому одна часто употребляется целой группой людей. На одной из таких калекбас, приобретенной нами, был выцарапан ряд тавро, принадлежащих кругу лиц, пользующихся ею.

Чубуки для трубок срезывались с ближайшего «такуари» при желании курить, поэтому в нашей коллекции их нет.

К женскому рукоделию относится также приготовление, например, шляпных подвесок из нитей, надерганных из купленной материи.

Жест, показывающий тяжесть и трудность чего-либо – это выставление согнутых локтей вбок и напруживание шейных и плечевых мускулов, с соответствующей мимикой.

От всех болезней как мужчины, так и женщины лечатся у падрес – шаманов, хотя первые не питают сильной веры в них. Лечение происходит главным образом посредством высасывания болезни из тела пациента. Врач, сидя рядом с распростертым на земле больным, принимает к пораженной части тела: голове, животу, сильно сосет, затем выпрямляется, шумно всасывает слюну, собравшуюся у губ, нараспев издает три ноты, выхаркивает слюну и, сняв ее рукой, отбрасывает в сторону. Эта операция производится раза три-четыре сряду и несколько раз в день, смотря по серьезности болезни. Иногда перед сосанием врач массирует пациента. Посред-

³⁰Женте – семья (португ.).

³¹Калекбаса – сосуд из сушеных плодов тыквы *Cucurbita pepo* var. *ovifera* (L.) или кресценции (калекбасового / горлянского дерева – *Crescentia* L.).

ством сосания, по словам врача, он извлекает причину недуга в виде рыбной или какой-нибудь другой кости, которые, невидимые для нас, носятся в воздухе и проникают в тело совершенно незаметно для нас. Болезнь может быть и наслана злым шаманом. О предотвращении заболевания амулетами я говорил уже выше. О результатах подобного лечения говорить не приходится, и, если бы не железное здоровье индейцев, смертность была бы гораздо выше.

Однако для того, чтобы удачно лечить данного больного, шаман должен [Л. 60] знать род болезни. Подобного рода диагноз он ставит при помощи своего духа-покровителя (бичо)³², и других, с которыми он разговаривает ночью, в то время, когда поет и трясет калекбасу, которая содержит внутри или только семена, совершенно высохшие (ее же), или бисер. Целые ночи с восхода луны и до начала рассвета поет падре, держа в одной руке пучок перьев ньянду³³, другой тряска калекбасу, то зовущим, то угрожающим тоном, то, изменяя голос и подражая кому-то из своего мира видений, жалобно стонет как ребенок – общается с духами животных, растений и даже мудрых людей (см. список Манизера). В ночной тиши и мраке эти звуки вызывают какое-то особенное настроение во мне и заставляют наполовину ожидать какого-то необычного явления.

В Налике было трое падрес. Один из них, родом Чамакоко, два раза при мне врачевал больную какой-то изнуряющей немочью молодую женщину особым обрядом. Перед жилищем, на некотором расстоянии, разводят костер. Из под навеса выходит больная со своими родственниками, и садятся на землю перед жилищем лицом к огню. Две-три пожилые женщины становятся с палками по сторонам отгонять собак и следить, чтобы никто посторонний не приближался к месту действия. Является падре с белой повязкой через лоб вокруг головы, обнаженный по пояс, в белых шароварах, подоткнутых до колен, и красной рубашке, подвязанной за рукава вокруг бедер наподобие передника. С пучком перьев ньянду в правой руке и зеркалом в левой обходит он вокруг костра, обмахивается перьями, становится у костра между ним и пациентами, боком к последним, смотрит некоторое время в зеркало, еще раз обходит костер, подходит к сидящим и обметает или обмахивает каждую в отдельности, громко дует на перья. И так раза два-три. Во втором случае этой церемонии он пришел со шпагой в руке и, обходя дважды костер, размахивал ею вокруг головы, после чего воткнул ее перед костром в землю. После обряда очищения пациенток от скверны перьями он опять взял шпагу и, размахивая ею, удалился во мрак ночи за огороды, откуда затем слышались его воинственные крики, бряцание шпаги, подражания воплям и стону какого-нибудь «бичо» – в общем, там шел жестокий бой за здоровье пациентки. Приблизительно через четверть часа шаман возвратился назад медленной поступью, с шпагой, прислоненной к плечу, видимо усталый. Крепость этого падре, однако, была изумительная. После целых ночей, проведенных в пении, без сна почти, рано утром он шел на работу и копался в своем огороде целый день, не выказывая ни малейших признаков утомления.

³²Бичо – животное, зверь (португ.).

³³Rhea Americana – южно-американский страус, высота около 170 см, весит до 25 и более кг; оперение буроватое, иногда почти белое.

Лечение оплачивается натурой: одеждой, скотом и т.д. — конечно, после выздоровления пациента.

Призвание шамана передается по наследству. У кадиувео есть только мужчины шаманы (может быть, только фактически, а на деле могут быть и женщины). Всякий сын шамана этим самым уже шаман, если пожелает после смерти отца начать практиковать. Другие чувствуют в себе в молодости заложенные силы, [Л. 61] начинают петь и становятся шаманами. Особенно учиться пению не нужно, т.к., судя по записи песни шамана Энрике (Манизер), все пение сводится к взыванию к различным духам.

Животных падрес лечить не могут, потому что болезнь животных носит совсем другой характер.

По поверью народному, шаманы бывают добрые и злые, которые наносят вред своим же. Несколько лет назад был живьем сожжен один старик шаман, который был очень мудр и внушал всем боязнь.

Теперь уже изредка кадиувео пускают в ход европейские средства, одно или два (перекись марганца от укусов змей), и Капитанзиньо, осознавая превосходство способов лечения белых и желая прекратить убийства шаманов (в случае неудачного лечения), пытается прекратить существование этого класса людей.

Болезнь человека имеет внутреннюю связь с его смертью. В случае смерти одного или нескольких членов общины неестественной смертью, кадиувео оставляют деревню и ищут нового места для поселения (тарумийцы уже оставили этот обычай), т.к. дух покойника постоянно возвращается к своему жилищу. Дух же умершего от болезни (или старости) уже не существует (?), он исчезает под влиянием болезни, и поэтому остающимся не представляется никакой опасности на старом обжитом месте (Ж. Ф.).

О жизни за пределами земной мне ничего не удалось узнать, потому что на все мои вопросы получал только отзвуки христианского учения в ответ, о подобии ее посюсторонней, однако можно судить из того, что кадиувео оставляют на могилах. Манизер присутствовал на похоронах одной старухи и имел возможность осмотреть кладбище. Над площадью земли, где сложены в беспорядке останки наликийцев и тарумийцев, выстроено подобие обычного жилища. Вновь принесенный покойник складывается в яму, вырытую здесь же, среди старых погребений; никаких церемоний нет. У могил Манизер видел маленькие сосуды, баночки (столь любимые особенно женщинами), воткнутые в землю палочки с пучками ваты и вышитые бисером, кроме того, поломанные вещи земного обихода: разбитые винч.[естеры] и т.д. Кладбище лежит в пяти-шести легвах от Налике, и индейцы ехали верхом на волах. М.[анизер] шел пешком. Описанное погребение является вторым для трупа. В данном случае было похоронено двое: теща Жозе Фернандеса и какой-то другой родственник, старик, умерший в Санта Крус еще за день до нашего прибытия к Антонио Руффино. Оба трупа были предварительно похоронены поблизости от места кончины. Опять-таки Манизер, насколько было возможно, осмотрел могилу старухи и нашел труп лежащим на боку, в скрюченной позе, с каким-то узелком под головой. Прямоугольная могила сверху была прикрыта продольным рядом жердей, концы которых закреплены утрамбованной землей. Таким же образом в кампо Санта Крус был похоронен и старик. По

истечении определенного времени, в течение которого [Л. 62] могила время от времени посещалась главным образом женщинами, чтобы следить за разложением трупа, когда кости достаточно обнажились, останки были выбраны из временной могилы и перевезены на кладбище. Такое двойное погребение мне объяснили трудностью перевозки тяжелого трупа взрослого человека, но, хотя, по-видимому, однократное погребение малютки – пациента падре Энрике – и подтверждает это объяснение, я сомневаюсь в верности его.

Старуха, тетка Жозе Ф., скончалась ночью после очень долгой болезни. Мы были разбужены воплями и пронзительными вскрикиваниями, сопровождавшимися причитанием женщин, колотивших себя в грудь и рвавших на себе волосы в знак скорби. Из соседних домов стали подходить как бы с визитом *de condolence* мужчины и женщины, и круг плакальщиц все увеличивался. Замелькали огни, и темная линия жилищ осветилась кострами. Еще в темноте ночной труп был унесен и положен в яму, вырытую мужчинами, которые сопровождали процессию женщин с лопатами и винчестерами за плечами. С рассветом скорбящие родственники вернулись. Женщины по обыкновению шли гуськом, смиренно сложив перед собой руки и опустив глаза, одетые в грубое рубище, охватывающее только бедра; волосы носили следы свежей подстрижки. Подойдя к деревне на расстояние подачи голоса, они вновь разразились криками отчаяния и причитываниями, колотя себя в грудь. По этому признаку мы всегда могли узнать, когда они впоследствии возвращались с осмотра могилы. Такое выражение скорби поддерживается долгое время: в Мориньо я видел женщину, которая, возвращаясь из Тарумы после кратковременного посещения ее по хозяйственным делам, принялась плакаться и вскрикивать, когда подъехала (на воле) на приличное расстояние к своему жилищу, т.к. несколько времени тому назад там умерла ее родственница. Этого требует приличие (или дух (?) покойницы), и искаженное лицо плакальщицы тотчас же приняло свое обычное выражение, как только она подъехала к дому.

Со смертью родственника подрезают себе волосы близкие обоего пола, хотя, опять-таки, в данном случае по отношению к дочери Даниеля, племяннице умершей, красивой молодой женщине с длинными волосами, закон был обойден – волосы просто подвязали, придав им вид подстриженных. По словам Даниеля, стрижка волос и вырывание бровей, ресниц и т.д. являются лишь выражением скорби. Детям вырывают волосы на лице со смертью отца (или матери ?) и затем это продолжается уже всю жизнь. Это объяснение мне кажется неверным, т.к., например, отец Жуан Баптисты жив еще.

Траур по умершим продолжается различно, год приблизительно, говорили мне. Донато дал более подробные сведения на этот счет. Траур продолжается до следующего праздника, а этих последних бывает в году более одного, следовательно, траур более короток. По выражению индейцев, человек, умирая, оставляет своих родственников бедными (*pobre*). Это выражение означает, что [Л. 63] родственники его прячут свои хорошие одежды и украшения (оставляя на шее, может быть, только шнурок с щипчиками), перестают разрисовываться и ходят в грубом рубище,

оставляя обнаженной верхнюю часть туловища, последнее относится, конечно, исключительно к женщинам. Траур соблюдают кроме родственников их криадас и, понятно, криадас умершего.

Итак, от траура скорбящих освобождают на празднествах – лишая их внешних признаков его. Иногда, впрочем, прекращение траура производится подобающим обрядом и вне празднества. Мне пришлось присутствовать при подобном событии, которое я благодаря неправильному объяснению назвал в своих погибших записках «праздником человеколюбия». Попытаюсь восстановить по памяти виденное мною тогда.

Из первого, самого богатого дома в селении, угла Жозе Ф., вышли трое молодых женщин и девушек, одетых в яркие одежды, с распущенными, умащенными волосами и смиренной поступью, гуськом направились вверх линии жилищ, разбились на две партии и вошли в два дома. Через несколько секунд они вновь вышли и таким же порядком вернулись к себе. Еще несколько секунд прошли и из посещенных жилищ, смиренно склонив головы, вышли «бедные» и тихими шагами гуськом же пошли к дому приглашающих.

Между ниппэ, доходящими до центра жилища, и крайними столбами, подпирающими лицевую сторону крыши, на земле были разложены циновки из карагуата и выделанные кожи. На них, поджав ноги, сели приглашенные – один мужчина и четыре женщины, если не ошибаюсь, – и, вперив взгляд в землю, безмолвно ждали. Собравшиеся из других домов гости разговаривали и непринужденно смеялись, стоя или расхаживая, или расположившись на ниппэ.

Из мешков были добыты новые куски материи и рубахи и розданы пришедшим. Затем хозяйки дома принялись расписывать лица им, и руки, и плечи черной и красной краской – некоторые сами расписывали себя. На шею каждому было надето по нитке бус и под конец их волосы были приведены в порядок: хозяйки принесли баночки с салом и, достав его палочкой, растирали между ладонями, после чего проводили руками по волосам своих пациентов и причесывали их своими гребнями. По мере того как церемония эта заканчивалась, пациенты поднимались и, обратившись к каждому из присутствующих гостей с несколькими словами и получив ответ, уходили. Значения слов, произносимых перед уходом, не знаю.

Таким образом, иной раз траур длился всего несколько дней – если смерть пришлась перед праздником.

Празднества, как я уже упоминал раньше, состоят главным образом в попойке – это неотъемлемая часть, которая часто, впрочем, составляет единственную причину торжества. При всяком удобном случае имеющие деньги [Л. 64] покупают качасса³⁴ в пунктах, лежащих сравнительно в недалеком расстоянии от земли кадиувеов, и пьют, сзывая к себе всю деревню (хотя часто скрывают несколько galarpaо (карафон) где-нибудь вдали от зорких глаз, что считается нечестным; это общественная собственность по обычаю).

Нам не пришлось видеть празднеств, имеющих иную причину, чем наличие водки, и сопровождающихся играми и т.д. Свидетелями попок, однако, были два раза.

³⁴Правильнее кашаса – крепкий алкогольный напиток из сахарного тростника.

Пьют одинаково и мужчины, и женщины. Последние расписывают себе лицо рисунком или просто красными пятнами; некоторые из них пляшут, кружась на месте (выписывая восьмерки) и мерно покачиваясь всем туловищем под монотонный припев. Участники попойки располагаются на кожах, циновках или просто на земле, скрестив ноги, перед жилищем благодетеля, и медленно, маленькими глотками, выпивают сосуды (жестянки, банки и т.д.) водки, подносимые им распоряжающимися. Влияние напитка бывает разное, конечно, и пьющие проходят различные стадии и настроения. Даниель, с которым я уселся рядом на ниппэ (он был из семьи хозяина водки), с трудом ворочая языком, доказывал мне, что я ему друг, т.к. посещал его плантацию, и в то же время спрашивал, правда ли, что мы хотим отравить все Налике – таково мнение его односельчан. Другие становились сумрачны. Когда я вернулся к себе, пришел Капитанзиньо, слегка уже охмелевший, с другим, наиболее трезвым из общества, и объявил, что считает своим долгом предупредить нас, чтобы мы не подходили к пирующим, а то пьяные могут нас побить – и показал как, довольно чувствительно ударив меня в плечо. Подобные попойки не всегда заканчиваются мирно – бывают побоища.

Женщины после известного количества выпитого вина впадают в грустное настроение и, раскачиваясь всем телом и мотая головой, с плачем повествуют о каком-нибудь горе. На сестру Жозе Ф. вино имело другое действие. Это, пожалуй, самая умная женщина в селении и, я бы сказал, артистическая натура. Лицо ее с живыми, кокетливо бегающими глазами (несмотря на пожилой возраст) под подвижными властными бровями сильно привлекало к себе мое внимание. Сосуды, выделяемые ею, отличались красотой формы и тщательностью выделки. Под конец одной попойки, уже ночью, я слышал, как она пела свежим, звонким голосом. Мелодия была та же, что и в профессиональных песнях падрес, в песне же, как я потом узнал, воспевалось былое народа кадиувео – более подробного объяснения сюжета я не получил.

Из литературного материала нам удалось собрать очень немного. Жозе Ф. рассказал легенду о происхождении кадиувеов. Старик-терено Франциско о раздобытии огня, как табак родился из останков злой жены, а не был дан богом, подобно другим полезным растениям, и как первые четыре курильщика были капитанами четырех ветвей племени (какого?). Остальные, надеюсь, записаны у Манизера.

[Л. 65] Иной раз я жалел, что Жозе (Франциско), разохотившись, начинал передавать мне ряд легенд, т.к. мое слабое знание португальского языка лишало меня возможности понимать многое из его рассказа (Манизер, несомненно, извлек бы большую пользу из этих бесед), но одна черта в характере наших индейцев мешала пополнению сведений, полученных из первого рассказа: нежелание повторять его мне, а тем менее моему товарищу. С этим препятствием мы сталкивались и при составлении словаря, хотя в этом случае выбор учителей был очень большой, сравнительно, и для точности значений слов мы переспрашивали их у разных индивидов, так сказать, в темную друг от друга. Иначе обстояло дело с легендами – здесь рассказчик был один. Эту черту я объясняю подозрительностью ин-

дейцев, принимающих переспрашивание за доказательство нашего недоверчивого к ним отношения, к их знаниям, чем, в сущности, оно и являлось.

В связи с легендами и вообще с языком кадиувео отмечу интересный факт. Все объекты внешнего мира в обстановке действия строго определены своим точным именем: животное – именно это (имя) дерево – именно такое-то (имя), и т.д. Эта точность распространяется и на обыденную жизнь: я спрашивал слово «дерево» на языке кадиувео, мой собеседник непременно хотел знать, которое дерево интересует меня – вот это или то, что стоит там, дальше, и называл паратода жатуба и проч.; он не мог понять, что мне нужно собирательное имя.

Наша бедность фольклористическим материалом объясняется излишней доверчивостью к обещаниям лиц, могших снабдить нас им, главным образом Жозе Ф., который в большой дозе обладал недостатком всего населения Налике – непридавание значения своим обещаниям. У этого последнего я даже заменил систематическое неисполнение данных обещаний. Вежливая формула, произносимая индейцем при уходе, например, из нашего жилища: «Я потом вернусь», основывается на этой же черте его характера.

Глубокий старик в Налике целыми днями лежал на ниппэ, соскребывая струпья на теле, почти мумифицировавшемся, обтянутом наморщившейся кожей. Сложения богатырского, почти слепой. Был взят, однако, в охотничью семейную экспедицию. Также лежа выщипывал пинцетом волосы на мощном подбородке и предлагал нам делать то же.

Цены монет как обменных единиц кадиувео почти не знают, и редко кто из них умеет считать и отличать их по стоимости – только по величине. Мильрейс – монета, следовательно, мильрейсы бывают большие и маленькие.

В одном из водоемов лежала кора, растворяющая в воде дубильное вещество; туда кладутся сырые кожи.

К смерти старухи. Тотчас же по смерти труп был вынесен за черту деревни, за пределы огородов. Подле него разложили костер, и один из мужчин с винчестером в руке сторожил труп до утра, когда процессия родственников (см. выше) [Л. 66] пошла хоронить его. Труп был взвален на спину одним из мужчин и принесен так к месту первого погребения. Пока мужчины рубили деревья для крышки могилы, женщины ждали, сидя на корточках вокруг трупа. На могиле была оставлена жестянка с мелочью для рукоделий.

Общее кладбище лежит на холме. Переночевав у подножия холма, на утро хоронящие выкупались в близлежащей лагуне и пешком уже поднялись на холм. При отсутствии каких-либо церемоний соблюдалось торжественное настроение, говорили пониженным тоном, припоминали похороненных и обменивались замечаниями по поводу состояния кладбища. Скорбь проявляется у могилы при хоронении и при возвращении в деревню – у женщин.

Сандалии часто носятся при работе в огороде мужчинами.

Игрушечный болеадор. Употребляется детьми для ловли домашней птицы и затем для игры, когда восковый шарик на самой длинной из нитей держится в руке, а его нить обертывается вокруг руки, пока узелок на скрещении не будет между большим и указательным пальцами, тогда

другой шарик на другой нити быстро вращается на своей нити по часовой стрелке, а за ним левой рукой бросают третий, но в обратном направлении. Итак, оба шарика должны вращаться с одинаковой быстротой, то встречаясь, то расходясь.

Смола Пало Санто³⁵, по мнению некоторых, истолченная и замешанная в воде, хорошее средство против болей в груди. Она употребляется так же, как краска. Снятую с огня после обожжения посудину в подготовленных уже на сырой глине участках покрывают горячей черной глазурью, которая от воды не сходит и не выжигается на огне.

Приготовление черной краски. Плод Генипапа разминается ударами пестика в ступке, потом раскатывается под ладонью, наконец покусывается зубами и ими же выжимается в блюде. В его соку растирается кусочек древесного угля, который и случит краской для рисования.

Сучение нити. На левую руку намотан разбитый в ленту на лучке хлопок, и старательно, понемногу утончаясь, доходит до кисти и переходит на указательный и средний палец вместе. Правой рукой женщина вытягивает из хлопка нить и прикрепляет ее к веретену петелькой к верхнему концу, кладет себе веретено на вытянутую правую ногу (сидит по-турецки) и быстрым движением ладони вверх по ноге (т.е. к себе) сообщает ему вращательное движение (волчком), придав ему более или менее вертикальное положение на полу, и поддерживает верхний конец свободно правой же рукой. Таким движением нить скручивается. Затем петелька распускается, и внизу, над пряслкой, простым вращением в обратную сторону готовая нить наматывается на веретено.

Библиография

- Волкова Т.В. Неизвестный источник по этнографии кадиувеу (Бразилия) // Открытие Америки продолжается. СПб, 2001. Вып. 3. С. 182–198.
- Дневник Г.Г. Манизера [Ч. I] / Вступ. и ком. А.Д. Дридзе // КЭТ. 1994. № 4. С. 247–262.
- Дневник Г.Г. Манизера [Ч. II] / Вступ. и ком. А.Д. Дридзе // КЭТ. 1995. № 8–9. С. 333–349.
- Дневник Г.Г. Манизера [Ч. III] / Вступ. и ком. А.Д. Дридзе // КЭТ. 1996. № 10. С. 278–296.
- Дневник Г.Г. Манизера [Ч. IV] / Вступ. и ком. А.Д. Дридзе // КЭТ. 1997. № 11. С. 363–380.
- Дневник Г.Г. Манизера [Ч. V] / Подгот. публ., вступ., прим. А.Д. Дридзе, М.Н. Третьяковой // КЭТ. 1998. № 12. С. 377–393.
- Дридзе А.Д. Аргентина и Чили в путевом дневнике Ф.А. Фиельструпа // КПК. 1996а. № 4–5. С. 262–275.
- Дридзе А.Д. Дневник Г.Г. Манизера как источник по этнографии индейцев Бразилии // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. М., 1996б. С. 266–283.
- Дридзе А.Д. Материалы русской экспедиции в Южную Америку (1914–1915) в МАЭ РАН: Итоги и перспективы изучения // 285 лет Петербургской Кунсткамере. СПб., 2000. С. 201–205.
- Дридзе А.Д. Бразилия в неопубликованном дневнике Ф.А. Фиельструпа (1915 г.) // Открытие Америки продолжается. СПб, 2001а. Вып. 3. С. 169–181.
- Дридзе А.Д. Бразильская сказка из дневника Г.Г. Манизера // Мир Лузофонии: Материалы междунар. конф. (15–17 октября 1998 г.). СПб., 2001б. С. 205–209.
- Дридзе А.Д., Решетов А.М. Ф.А. Фиельструп – исследователь Южной Америки // Первые скандинавские чтения. СПб., 1997. С. 189–194.
- Дридзе А.Д., Третьякова М.Н. Фольклор в дневнике Г.Г. Манизера // Португалистика в Санкт-Петербурге: Материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. О.К. Васильевой-Шведе (13–15 сентября 1995 г.). СПб., 1998. С. 129–132.

³⁵Bursera graveolens – дерево.

Дридзе А.Д., Шрадер Т.А. Эммануил Нобель – спонсор русской экспедиции в Южную Америку 1914–1915 гг. // Скандинавские чтения 2000 г. СПб., 2002. С. 337–344.

Зиберт Э.В. Разрисовка тела у индейцев племени кадиувео (Бразилия) // Сб. МАЭ. 1959. Т. XVI. С. 370–384.

Лукин Б.В. Из материалов русской научной экспедиции 1914–1915 гг. в Южную Америку // Латинская Америка. 1977. № 1. С. 158–189.

Манизер Г.Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–15 гг. // Природа. 1917. № 5–6. С. 619–660.

Манизер Г.Г. Необразильцы / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // КЭТ. 1993. № 2–3. С. 291–304.

Манизер Г.Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914–1915 гг. / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Открытие Америки продолжается. СПб, 1994. Вып. 2. С. 225–259.

Танасийчук В.Н. Русские студенты в Южной Америке // Наука и жизнь. 1966. № 1.

Фиельструп Ф.А. Поездка к индейцам терено / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Латинская Америка. 1995. № 11. С. 85–90.

Фиельструп Ф.А. Путешествуя на «Сармьенто» / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Латинская Америка. 1996а. № 2. С. 104–110.

Фиельструп Ф.А. Путешествуя на «Сармьенто» II / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Латинская Америка. 1996б. № 10. С. 112–117.

Фиельструп Ф.А. Путешествуя на «Сармьенто» III / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Латинская Америка. 1997. № 6. С. 114–118.

Фиельструп Ф.А. Путешествуя на «Сармьенто» IV / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // Латинская Америка. 2000. № 12. С. 89–93.

Фиельструп Ф.А. Путь по реке Парагваю к кадиувео / Вступ., ком. А.Д. Дридзе // КПК. 1999. Вып. 8–9. С. 183–200.

Шпринцин Н.Г. Из архивных материалов по языкам индейцев Бразилии (Предисловие в подготовленном к печати французско-ботокудскому словарю Г. Мерлиера // СЭ. 1964. № 3. С. 187–194.

Шпринцин Н.Г. Материалы русских экспедиций в Южную Америку, хранящиеся в Архиве АН СССР и в Институте Этнографии // СЭ. 1947. № 2. С. 187–194.

Шпринцин Н.Г. Шаванты. (Из материалов русской экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг.) // КСИЭ. 1952. Вып. XVII. С. 47–55.